

Анна САФРОНОВА

ЗА МИРНОЕ ЧТЕНИЕ

Владимир Аристов Жизнь незамечаемых людей. – М.: Русский Гулливер / Центр современной литературы, 2021. – 180 с.

Рассказы из цикла «Жизнь незамечаемых людей» Владимир Аристов публикует не первый год – они выходили в «Новом мире», «Знамени», у нас в «Волге», и вот в нынешнем номере, который сейчас перед глазами читателей, – продолжение.

Бумажную версию издания я получила (спасибо автору) по почте незадолго до февральских событий, сразу же возникла мысль написать о ней, но прошло немного времени – и всё изменилось. Взяла в руки книгу и поняла, что все мои наблюдения, попытки найти верные слова исчезли. В голове, как и у большинства людей, только сводки новостей.

Ловлю себя на том, что читаю «Жизнь незамечаемых людей» как книгу о нашей тотальной несвободе – и о тотальном отечественном абсурде. Понимаю, что это несправедливо и неверно: проза Владимира Аристова – нечто гораздо большее, это сложное и тонкое полотно. Но ничего не могу поделать, читательская оптика (в том числе и моя) искажена, настройки сбиты, и как и что будет дальше – непонятно, оптимизма нет.

Пока же – просто небольшая подборка цитат, иногда с некоторыми пояснениями по сюжету, а иногда вырванная из контекста (прошу прощения).

Рассказ «Барклай». Преподавателю высшей математики не дают справку по совершенно абсурдному поводу: *«Мы поняли ваш случай. Вы подсели на эндорфины. Научились их так много вырабатывать в голове, что понятно, почему не интересуетесь наркотиками и алкоголем. Но такое умствование, как у вас, – постоянное и приводящее к расслабленности сознания, быть может, не менеестораживающее, чем при использовании психотропных средств. В некотором смысле оно суррогат наркотических и опьяняющих веществ».* Итог: *«Мы выдаем вам справку. Условно. Надеемся, ненадолго». И они расстались друзьями. Условными и на условный срок».*

«Улитки по-бургундски». Около магазина толпа, которая негодует, что не завезли улиток по-бургундски. *«Но тут подошел человек из общества по защите животных и выстрелом из стартового пистолета разогнал толпу. Но тут к нему, в свою очередь, подошел полицейский и, козырнув, спросил, откуда у него такое полуспортивное-полубоевое оружие».*

«Дает о себе знать», первые строки: *«Он долго шел зимней тропой с большим коловоротом. Но как только ступил на лед канала, был немедленно задержан двумя».*

«Аквапарк». Двое вполне живых студентов обнаруживают свои имена на мемориальной плите. *«И они стали читать, что написано на плите – раньше и в голову это не приходило. Там значилось, что монумент – в честь спасенных детей, которые могли бы утонуть в аквапарке, если бы он был построен здесь. Но строители вовремя прекратили стройку, потому что на основе новых методов определили и вычислили, что в аквапарке произойдет авария-катастрофа».* Присоединяются две студентки:

« – Кто знает, кто знает, – несколько даже обиженно сказала она. – Эти расчетчики думают теперь, что могут все вычислить, все будущее за каждого предсказать, но ведь это ужасно, да и вранье.

– Ты права, – согласилась с ней первая студентка. – Они все теперь наблюдают... все знают про тебя... я имею в виду про меня... но и про тебя тоже... и про всех

остальных. не рассказывали, что у нас в институте собираются установить не только улавливатели дыма – это-то давно есть, чтобы ловить курильщиков... но собираются запретить ругаться матом... совсем... и будут какие-то словоулавливатели стоять, будут распознавать образы тех, кто говорил, и штрафовать вплоть до исключения из института.

– Да, ужасно, – сказала вторая студентка, – сама я не ругаюсь матом... почти... но я за свободу».

Финал: *«И все четверо здесь же под каплями весеннего дождя дали друг другу торжественную клятву жить и думать так, чтобы превышать все время самих себя с тем, чтобы стать невычислимыми и неисчислимыми».*

«Письмо, которое позвало в дорогу». «Уходя уже из комнаты, он оглянулся: стрекоза дремала в верхнем углу комнаты, полуприкрыв свои сиреневые глаза, покаясь на своей магнитной подушке. Он вспомнил хокку, которое слышал недавно на одном юбилее, которое было произнесено при торжественных обстоятельствах:

Отпусти стрекозу на север –

Она полетит на юг,

Потому что угадывает твои тайные желания».

«По больнице». Пациент решает провести некий эксперимент: «измерить среднюю температуру по больнице, а потом посмотреть изменение этой величины в динамике день ото дня». Итог: «Когда он провел подсчеты, и это увидели другие, то результаты их ошеломили. Так что к его неудовольствию его данные быстро засекретили, к нему применили средства интенсивной терапии, – его излечили гораздо раньше намеченного срока и выписали на свободу здоровым и чистым, как стеклышко».

«Не все так просто». Человек мечтал уехать за границу, но не мог получить загранпаспорт, так как одно время находился под следствием. «Когда он рассказал об этом одному своему приятелю, тот привел его на пустырь, достал монету достоинством в 5 рублей и начертил на земле квадрат полтора на полтора метра. “Оставайся в этом квадрате и никуда не уходи, можешь делать физические упражнения, думай о чем хочешь, но за границу квадрата не смей выходить”, – наказал ему приятель, а сам ушел. Через час приятель вернулся, а он все еще находился внутри квадратной камеры, нарисованной на земле. “Теперь можешь сделать шаг за пределы”, – сказал ему приятель. Он вначале несмело, но все же переступил порог. “Чувствуешь теперь освобождение?” – спросил приятель. “Возможно”, – почему-то робко ответил он. “Как видишь, не надо далеко ходить, чтобы в любой момент почувствовать себя свободным”, – сказал приятель и удалился. А он остался в радостном недоумении, все закружилось у него в голове в беспорядке, и он вспомнил почему-то, что когда-то хотел пойти инструктором во Дворец пионеров. Пионеров сейчас почти не было, но Дворец остался. Некоторое время назад ему предлагали пойти туда, чтобы вести кружок моделирования. Но не авиа- или судомодельный кружок, а моделирования мысли».

«Незнайко». «Знакомый конь посоветовал Незнайко надеть на голову бычий пузырь и на все вопросы отвечать “Не знаю”. За что он и получил потом такое прозвище. Сквозь этот непрозрачный иллем он мало что видел, да и его различали с трудом, так что считали жителем другого мира и смеялись над ним. Так и ходил Незнайко – дух познания – по только что появляющимся городам и селам в самом расцвете и своим ответом, а по сути вопросом предвосхищал искусство будущего Николая из Кузы с его ученым незнанием».

«Вероника Лакмусова». «Вероника училась сразу на двух факультетах университета: биологическом и химическом. “Вот вырасту большой, – думала иногда Лакмусова, – осную один факультет химико-биологический, чтобы таким, как я, неповадно было разрываться сразу на две части”. По вечерам она часто мечтала и мысленно готовилась стать швеей-мотористкой».

«Выборы нового директора». «Наше предприятие было занято производством мыслей. В нашей среде давно уже считалось неостроумным сравнивать это с производством мыла или мюслей. Ведь чистая высококачественная мысль ценилась в обществе и пользовалась большим спросом. Другое дело – для чего ее можно было приспособить. Но все настоящее рано или поздно находило применение в хозяйстве. Так что мысли брали про запас. Был у нас цех по реконсервации хорошо забытых мыслей. Если они были недостаточно хорошо забыты, это сразу распознавалось – это были дурно пахнущие мысли. Был отдел по производству мыслей о демократии, там давно уже придумали кое-что получше демократии, но по старинке он продолжал так называться, чтобы не дразнить гусей».

«На узкой тропинке». «Они понимали, что не перепрыгнуть через другого, но можно переступить. Но надо было найти, кто бы из них решился сделать это первым. Они поискали глазами третьего, чтобы тот дал команду, но его не было видно. Оставалось бросить жребий, кто из них на время станет этим третьим. Но в тот момент, когда они сделали совместное движение руками, воздух между ними прояснился, словно протерлось туманное стекло, и появилось дальнее солнечное небо, портовые краны, и возникло широкое виденное море, в которое они смогли выйти».

«Цирк в луна-парке». «Космонавты сняли шлемы и сели на край кратера. От их разгоряченных голов шел пар, и марсиане им сочувствовали. Зрители тоже расположились поудобнее. Речи их были свободны и не подвергались даже внутренней цензуре. Представитель появился вовремя и залитовал всех так, что больше уже печати некуда было ставить. Потом вышел на арену в лунный кратер и предложил побороться с ним, если кто хочет».

«Два Николая (отчим)».

«– А все-таки Чацкого этого я бы в порту при пересечении границы все же проверил, – сказал участковый.

– Почему? – удивился Негропонтон.

– Да наверняка за ним здесь шлейф тянется... проверить бы его за последний год... летун есть летун... Да и Онегин этот тоже кого-то там бросил... и генерала, правда, другого тоже, кажется, обидел».

«Сказочники».

«– Мы не подписывались на то, чтобы наш разговор слушал кто-то еще, – снова одновременно сказали два приятеля.

– А вашей подписи не требуется... просто ваш случайно выбранный разговор, случайно выбранный из миллиардов других, был признан лучшим – вот и все. Никто не интересуется деталями вашей частной жизни. А приз будет компенсацией за вторжение в вашу приватность. Согласитесь, это приятное вторжение. Никто не будет запись вашего разговора помещать в соцсети. Ваши физиономии там не появятся. Успокойтесь, они никому не нужны.

Но тут они что-то одновременно стали понимать.

Каждый поднес палец к губам – свой палец к губам другого как знак молчания».

«Почти вся власть». «Над демаркационной линией, помеченной нулем, всюду летают дроны. Никого из людей почти не видно. Одно из двух: либо все в укрытиях, либо просто пьют горячительные напитки...»

«На самокате». «Собрался он на электрическом самокате в дальнюю губернию.
– Смотри, не заедь куда-нибудь, – сказала ему мать как напутствие.
– И кому-нибудь, – добавила тетка.
Снабдили его новенькими деньгами.
– Зачем это? – удивился он. – При мне же карта “Visa”.
– Представь, что ты заедешь в глухую деревню, – сказали мать с теткой, – а там даже интернета нет. Что будешь делать?
– Этим не расплатишься, – кивнул он на деньги, – дайте что-нибудь помельче».

«Белый юмор». «Раньше, когда его обвиняли в очернительстве нашей и не только нашей действительности, он иногда поддакивал, но сейчас все изменилось, и когда некоторые коллеги по юмористическому цеху говорили ему, что он обеляет то, что обелять нельзя, он все отрицал. Потому что видел все в белом свете. Он работал платным юмористом...»

«Обмен мыслями». «В одной стране, легко догадаться в какой, был разрешен свободный обмен мыслями. И возник сам собой толкучий базар, где все пытались обменять что-то свое на что-то исконно чужое».

«Автоцезарь». «Никто бы не сказал про писателя Д., что тот без царя в голове. И Д. про себя тоже так не думал. Поэтому он не удивился, хотя и немного обиделся, когда услышал внутренний голос: “Теперь я буду твоим цензором”. (...) ...его внутренний цезарь, его личный и довольно-таки безжалостный кесарь будет косарем любой его непреднамеренной мысли, неподцензурной максимы. Не станет в нем теперь совсем неподцензурной лексики, абсценные красоты больше не зазвучат в его дворце драгоценного сознания, и Д. останется только ходить на прием к себе самому, ждать у массивных дверей кабинета личного цензора, когда тот его примет и милостиво разрешит создать пару-тройку не очень резвых, но вполне трезвых произведений. Политически-дистиллированных высказываний, процеженных сквозь десны и прищуренные ресницы неукоснительных глаз внутреннего цензора-цезаря».

«Снег на голову». «В какой-то момент ему поручили сбрасывать снег с крыши мира. Он был, конечно, удивлен до крайности. Зачем сбрасывать с Гималаев снег, если завтра новый нарастет? Ему внятно не ответили, но сослались на какой-то кварталный план. (...) “Ну, посуди сам. Сбрасывая снег оттуда, ты разряжаешь там обстановку – вплоть до политической. Но, думаем, ты грамотный, и так разберешься. Ты ведь будешь предотвращать лавины – бич среднегорья – они возникают там внезапно, как снег на голову. Но главное: плодородные долины страдают от засухи...”»

«Правители рядовые». «...он стал им излагать программу своего правления, не забывая при этом, правда случайно, размахивать в воздухе разводным ключом, который принял в их глазах угрожающие размеры. Он сказал им, что “коммунальный” значит “общественный”, и что они должны срочно заняться коммуницированием неизвестных членов общества. Заняться описью их имущества, но не того, о котором они подумали, а драгоценным имуществом мыслей каждого. Пусть эти мысли неприглядны, но это только на первый невнимательный взгляд».

Еще раз приношу извинения за «узкое», так сказать, «актуальное» цитирование. Как и многим моим коллегам, мне хотелось бы читать книги нормальным, мирным зрением, а не с воспаленными от наших несчастий глазами. Но сила преодоления есть – см. нижеследующую рецензию Олега Рогова.